

Глеб Павловский

ЖИЖЕК – НЕ О МАЕ 1968-го

Сегодня Европа входит в долгие юбилейные дни памятного 1968 года. От апрельских боев в Вашингтоне до красного мая в Париже, и дальше – вплоть до пражского августа. Но Славой Жижек пишет для времен, «когда освободительные последствия 1968 года исчерпали потенциал». Да, только не в детях этого года. Люди выделки 1968-го – опасные люди.

Радио било по венам: Че! Дубчек! Сартр! Нантерр! Сонгми! Сахаров-Солженицын! Перезаряжались личные батарейки так, что зарядки хватило на 40 лет непрерывного действия. Оглядываясь за «минус 40», вспоминаю не адреналино-тестостероновый шторм в венах (штука сладкая) – а странную в итоге удачливость поколения отказников и бунтарей. Притом, что в тот год любой из нас посчитал бы личный успех – мерзостью перед Господом, фактом стала живучесть, прыгучесть и сверхприспособляемость детей мая 1968.

Маргинал (тогда говорили просто – «отщепенец» или «ненормальный») глубоко проникал в щели мира, где все трахалось, булькало и болтало без умолку. Тогда говорили без прилагательных – ДВИЖЕНИЕ. И всякий понимал, о чем речь – ДАЙ! Движение вело в сладкие земли риска. Мы наслаждались делами, считавшимися невозможными; собственно, только они нас и интересовали. Общеизвестно воздействие бури 1968 года на оба тогдашних мира, капитализм и коммунизм. Мы растолкали капитализм. Собственно, 1968-м годом первый опередил и победил второго, жадной энергетикой обожающего обладания. Мир во всем уподобился нашему запуску на тотальную революцию; мы его использовали, он использовал нас.

Презирая правила, мы стали искушены в обходе правил и изобретательны в их оборачивании – против них же. Возник мир без жестких правил – место разменов и отбраковок, где свободный внутренне успешен вдвойне. Мир, комфортабельный для раскованных оборотней-нонконформистов. Насмешливое передергивание власти стало новой сверхвластью, всемирной полицией мысли (выходит, мы взяли к ногу полицию, а не она – нас?)

И однажды вдруг навыки красного мая оказались паролем доступа к глобализации, ее нормой, ее кредитками. Ох, не зря высшие этажи банков и международных корпораций, начиная с эры Клинтона – одного из наших – забыты «бессребрениками» 1968 года. Капитализм без берегов пережил социализм, обрушенный с нашей же помощью, чего мы разумеется ему не желали. Главным из освободительных последствий стало падение «нашего» СССР. Потому что капитализм, а не социализм нам отдался вполне.

Капитализм в его старой версии сегодня кончается. Жижек пишет об этом без мести, без пресыщенности и без ностальгии. Миры обрываются. Траектории в расщельях миров прокладывают чужаки, как видно из книги Жижека о «параллаксном взгляде», выпускаемой в этом – юбилейном мае издательством «Европа».

Возможно, 1968 год нам предстоит, в каком-то смысле, еще раз. На этот случай имейте в виду, что желания перевооружают (особенно, несбыточные желания). И тогда бунтарю, несмотря на его полное изнеможение, становится все трудней говорить «нет».

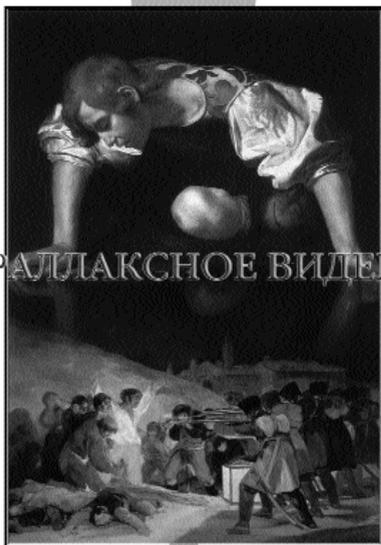
НЕСОУЧАСТИЕ В НАСЛАЖДЕНИИ

В марте 2005 года внимание всей Америки было приковано к делу Терри Шиаво: в 1990 году ее мозг был поврежден, когда сердце женщины ненадолго остановилось из-за химического дисбаланса, вызванного, по всей видимости, расстройством питания; назначенные судом врачи утверждали, что она находится в хроническом вегетативном состоянии без надежды на выздоровление. Хотя ее муж хотел, чтобы ее отключили от аппарата искусственного питания и она могла спокойно умереть, ее родители утверждали, что она может поправиться и что она никогда бы не захотела, чтобы ее лишили пищи и воды. Это дело добралось до высших эшелонов исполнительной и судебной власти Соединенных Штатов с участием Верховного суда и президента, принятием резолюций конгрессом и т. д. Абсурдность ситуации, при рассмотрении ее в более широком контексте, просто поражает: в то время как в мире десятки миллионов людей умирают от СПИДа и голода, американское общественное мнение сфокусировалось на одном-единственном случае продления ГОЛОЙ ЖИЗНИ, хронического вегетативного состояния, лишённого всех человеческих черт. Именно ЭТО и имеет в виду католическая церковь, когда ее представители говорят о «культуре жизни», противопоставляемой «культуре смерти» современного нигилистического гедонизма. Мы сталкиваемся здесь с разновидностью гегелевского бесконечного суждения, которое утверждает спекулятивную тождественность высшего и низшего: жизни духа, божественного духовного измерения и жизни, сведенной к инертному вегетативному состоянию. Эти две крайности выходят на передний план сегодня в связи с вопросами биополитики: с одной стороны, те, кто «выжил после бомбардировок» (полноценные в психическом и физическом отношении люди, но лишённые своих элементарных прав), а с другой стороны – человек, сведенный к голой вегетативной жизни, но эта голая жизнь оберегается всем государственным аппаратом.

Несложно показать, что эти две черты сегодняшней идеолого-политической констелляции – возрастание биополитического контроля и регулирования; крайне нарциссичный страх перед вмешательством извне – на самом деле являются двумя сторонами одной монеты. С одной стороны, само развитие нарциссической личности, стремящейся к «самореализации», приводит к растущему самоконтролю (пробежки, забота о безопасном сексе и здоровом питании и т. д.), то есть к субъектам, которые *сами* относят-

Славой
ЖИЖЕК

УСТРОЙСТВО РАЗРЫВА

ПАРАЛЛАКСНОЕ ВИДЕНИЕ

ся к себе как к объектам биополитики; с другой стороны, официальной целью биополитики государства является счастливая и довольная жизнь человека, избавление от всех травматических потрясений, которые могут помешать их самореализации: счастье – это «товар, который импортировался из Америки в 1950-х», как выразилась однажды актриса Франческа Аннис.

Многие сетуют, что сегодня, когда самые интимные вещи, вплоть до подробностей сексуальной жизни, могут быть выставлены на всеобщее обозрение в средствах массовой информации, частная жизнь оказывается под угрозой и даже исчезает... С этим можно согласиться, повернув вещи несколько иначе: в публичном показе интимных деталей происходит исчезновение *самой публичной жизни*, публичной сферы, в которой ты действуешь как символический агент, несводимый к частному индивиду, к совокупности интимных свойств, желаний, травм, идиосинкразий.

Сегодняшняя субъективность характеризуется переходом от желания к требованию: требование, настаивание на требовании, представляет собой противоположность желанию, которое расцветает в зазорах требования, в том, что в требовании превышает его самого, – скажем, требование пищи ребенком может выражать желание любви, так что мать иногда может удовлетворить это требование, просто взяв ребенка на руки. Именно поэтому удовлетворение требований подавляет желание (как в случае с избалованными детьми). (В этом также заключается главный изъян логики финансовых компенсаций, переводящей обоснованное недовольство в ТРЕБОВАНИЕ возмещения ущерба.)

Только сегодня в своей повседневной жизни мы сталкиваемся с основным либидинальным тупиком, вокруг которого циркулирует психоанализ. Психоанализ традиционно считается средством, позволяющим пациенту преодолеть препятствия, которые сдерживают его доступ к «нормальному» сексуальному наслаждению; но сегодня, когда нас со всех сторон донимают различными версиями приказа Сверх-Я «Наслаждайся!», от непосредственного сексуального наслаждения до наслаждения профессионализмом или духов-

ным пробуждением, нужно перейти на более радикальный уровень: психоанализ сегодня является единственным дискурсом, который позволяет НЕ наслаждаться (не путать с «не позволяет наслаждаться»!).

JOUISSANCE* КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Сегодня идеологическое манипулирование непристойным *jouissance* вступило на новый этап: наша политика во все большей степени является политикой *jouissance*, направленной на вызывание или контролирование и регулирование *jouissance*. Не сгущается ли все противостояние между либеральным/терпимым Западом и фундаменталистским исламом в противостоянии между, с одной стороны, правом женщины на освобождение сексуальности, включая свободу показывать/обнажать себя и провоцировать/волновать мужчину и, с другой стороны, отчаянными мужскими попытками устранить или хотя бы держать под контролем такую угрозу. (Вспомним смехотворный запрет Талибана на набойки женской обуви, как будто мужчин может провоцировать даже цоканье шагов полностью скрытых под одеждой женщины?)

В некоторых «радикальных» кругах в Соединенных Штатах недавно начало обсуждаться предложение «переосмыслить» права некрофилов (тех, кто желает заниматься сексом с трупами) – почему они должны быть лишены его? Была выдвинута идея, что точно так же, как люди подписывают разрешение на использование их органов в медицинских целях в случае их внезапной смерти, нужно позволить им подписывать разрешение на предоставление их тел некрофилам для забав с ними... Не является ли такое предложение превосходной иллюстрацией того, как политкорректность осуществляет старую кьеркегоровскую идею о том, что хороший ближний – мертвый ближний? Мертвый ближний – труп – служит идеальным сексуальным партнером для «терпимого» субъекта, пытающегося избежать всякого причинения беспокойства: труп по определению невозможно побеспокоить; в то же самое время труп НЕ НАСЛАЖДАЕТСЯ, так что пугающая угроза избыточного наслаждения для субъекта, забавляющегося с трупом, также устраняется... Эти две противоположные позиции объединяет крайне *дисциплинарный* подход, который в каждом случае повернут в своем направлении: «фундаменталисты» детально регулируют то, как должны преподносить себя женщины, чтобы не допустить сексуальных провокаций; феминистские политкорректные либералы навязывают не менее жесткое регулирование поведения, направленное на сдерживание различных форм «причинения беспокойства».

Но здесь нужно сделать одно уточнение. Мы имеем сегодня не столько ПОЛИТИКУ *jouissance*, сколько РЕГУЛИРОВАНИЕ (*администрирование*) *jouissance*, которое является *stricto sensu* постполитическим. *Jouissance*

* Наслаждение (*фр.*)

само по себе безгранично, этот смутный избыток неименованного, и задача состоит в регулировании этого избытка. Наиболее явным признаком господства биополитики служит одержимость темой «стресса»: как избегать стрессовых ситуаций, как «справляться» с ними. «Стресс» – это наше обозначение избыточного измерения жизни, «слишком многого», того, что нужно держать под контролем.

То есть отличительная особенность сегодняшнего «нерепрессивного» гедонизма (постоянное провоцирование, которому мы подвергаемся, приказ идти до конца и испытать все формы *jouissance*) заключается в том, что допустимое *jouissance* неизбежно превращается в обязательное *jouissance*. Но вопрос вот в чем: на самом ли деле капиталистический приказ наслаждаться направлен на извлечение *jouissance* в его избыточной форме или же мы скорее имеем дело со своеобразным универсализированным *принципом удовольствия*, с жизнью, посвященной удовольствиям? Иными словами, не являются ли приказы хорошо провести время, прийти к самореализации и самоудовлетворению и т. д. приказами ИЗБЕГАТЬ избыточного *jouissance*, найти своеобразный гомеостатический баланс? Не являются ли советы Далай-ламы советами относительно поддержания «умеренности» и избегания опасных крайностей?

Возникает соблазн противопоставить левацкое стремление после 1968 года к *jouissance* (достижению крайних форм сексуального удовольствия, позволяющих разрушить все социальные связи и достичь наивысшей точки в солипсизме абсолютного *jouissance*) потреблению товаризованных продуктов, обещающих *jouissance*: первое все еще означает радикальную, даже «аутентичную» субъективную позицию, тогда как второе свидетельствует о поражении, капитуляции перед рыночными силами... Но так ли все очевидно в этом противопоставлении?

Стремление к чистому аутичному *jouissance* (с помощью наркотиков или других вызывающих транс средств) появилось во вполне определенный политический момент: когда освободительные последствия 1968 года исчерпали свой потенциал. В этот важный момент (середина 1970-х) единственной остававшейся возможностью был прямой и грубый *passage a l'acte*, рывок к Реальному, который принял три основные формы: поиск крайних форм сексуального *jouissance*; левый политический терроризм (РАФ в Германии, «красные бригады» в Италии и т. д.), который исходил из того, что в эпоху, когда массы полностью погружены в капиталистическую идеологическую спячку, стандартная критика идеологии больше не работает, так что только обращение к грубому Реальному прямого насилия – *l'action directe* – способно пробудить массы; и, наконец, поворот к Реальному внутреннего опыта (восточная мистика). Все эти три формы объединяет отход от конкретного социально-политического участия к прямому контакту с Реальным.

В трилогии «Матрицы» эта констелляция инсценирована как нельзя лучше. Необычайное влияние этих фильмов обусловлено не столько их основной идеей (то, что мы воспринимаем как реальность, на самом деле виртуальный мир, созданный «Матрицей», мегакомпьютером, напрямую под-

ключенным к нашему сознанию), сколько впечатляющим образом миллионов людей, ведущих клаустрофобную жизнь в наполненных водой капсулах и используемых для генерирования энергии (электричества) для Матрицы. Это подводит нас к подлинной либидинальной загадке: ЗАЧЕМ Матрице *нужна* человеческая энергия? Чисто энергетическое решение, конечно, лишено всякого смысла: Матрица без труда могла бы найти другой, более надежный источник энергии, не требующий необычайно сложного устройства виртуальной реальности, которое приходится согласовывать для миллионов людей. Единственный непротиворечивый ответ: Матрица питается *jouissance* человека...

ДЕСУБЛИМИРОВАННЫЙ ОБЪЕКТ ПОСТИДЕОЛОГИИ

Как преобладание *jouissance* связано с глобальным капитализмом (и даже основывается на нем)? Универсальность капитализма заключается в том, что капитализм обозначает не «цивилизацию», определенный культурно-символический мир, а нейтральную экономико-символическую машину, которая работает с азиатскими ценностями так же, как и со всеми остальными, так что всемирный триумф Европы означает ее поражение, самоустранение, разрезание пуповины Европы. Критики «европоцентризма», которые пытаются раскрыть тайную связь капитализма с Европой, терпят здесь провал: проблема капитализма не в его тайной связи с Европой, а в том, что он НА САМОМ ДЕЛЕ УНИВЕРСАЛЕН, что он является нейтральной матрицей социальных отношений.

Нет никакого глобального «капиталистического мировоззрения», нет никакой «капиталистической цивилизации» в собственном смысле слова – фундаментальный урок глобализации состоит в том, что капитализм может приспосабливаться ко всем цивилизациям – от христианской до индуистской и буддистской)... Следовательно, поскольку капитализм уже воплощает разрыв между значением и истиной, противостоять ему можно на двух уровнях: либо на уровне значения (консервативные попытки заключить капитализм в некую социальную область значения, удержать его саморазвитие в рамках системы общих «ценностей», которые поддерживают «органическое единство» «общности»), либо путем рассмотрения Реального капитализма в том, что касается его истины без значения (что, по сути, и делал Маркс).

И это возвращает нас к *jouissance*: в отличие от всех предшествующих форм идеологической интерпелляции капиталистический приказ наслаждаться не открывает никакого «мира» в собственном смысле слова – он просто отсылает к смутному Неименуемому. В этом – и только в этом – смысле мы действительно живем в «постидеологической вселенной»: к нам обращен прямой «десублимированный» призыв *jouissance*, не облаченный более в соответствующий идеологический нарратив.

Нашей первой реакцией в этом случае, конечно же, является признание того, что это абсолютное *jouissance* – миф, что его никогда на самом деле не существовало, что его статус является чисто дифференциальным, то есть оно существует только как негативная точка отсчета, в соотношении с которой всякое действительно переживаемое *jouissance* меркнет («это, конечно, приятно, но это не ТО!»). Но недавние достижения исследований мозга открывают новый подход: можно представить ситуацию, в которой боль (или удовольствие) создаются не через чувственное восприятие, а путем прямого возбуждения соответствующих нейронных центров (с помощью наркотиков или электрических импульсов).

Разве такое «короткое замыкание» не является основной и наиболее тревожащей особенностью потребления наркотиков для получения наслаждения? Наркотики обещают чисто аутичное *jouissance*, *jouissance*, доступное без прохождения через Другого (символический порядок) – *jouissance* вызывается не фантазматическими образами, а прямым раздражением наших нейронных центров, отвечающих за получение удовольствия.

Принимая во внимание сегодняшние восторженные рассуждения о неукорененности, миграционности, номадизме, гибридности и тому подобных свойствах субъективности, не задает ли дигитализация окончательный горизонт этой миграции, судьбоносного перехода от аппаратного обеспечения к программному, то есть разрыва связи, которая соединяет сознание с его неизменным материальным воплощением (мозгом одного человека), и «скачивания» всего содержания сознания в компьютер с возможностью превращения сознания в программу, способную бесконечно мигрировать от одного материального воплощения к другому и обретая тем самым своеобразную «немертвость». Метемпсихоз, переселение душ, таким образом, становится делом техники. Идея состоит в том, что «мы переходим к режиму, столь же радикально отличному от нашего человеческого прошлого, насколько мы, люди, отличаемся от более низких животных»: закачивая себя в компьютер, ты становишься «таким, каким хочешь. Ты можешь быть большим или маленьким; ты можешь быть легче воздуха; ты можешь проходить сквозь стены». Если говорить старым добрым фрейдовским языком, тем самым мы избавляемся от минимального сопротивления, которое определяет реальность (точнее, наше восприятие реальности), и вступаем в область, в которой безраздельно, безо всяких уступок принципу реальности, правит принцип удовольствия, или, как выразился Дэвид Пирс в своей книге со звучным и точным названием «Гедонистический императив»: «нанотехнологии и геновая инженерия устраняют неприятные переживания из жизненного мира. За следующее тысячелетие биологические основы страдания будут полностью уничтожены» благодаря достижению «точной нейрохимической инженерии счастья для каждого имеющего чувства организма на планете». (Обратите внимание на буддистские нотки в этом пассаже!) И, конечно, поскольку одно из определений человека гласит, что избавление от дерьма представляет для него проблему, это означает, что в этом новом пост-человечестве не будет места грязи и дерьму:

«[...] сверхчеловек должен быть чище человека. В будущем наши выводящие системы (размороженных [после криогенной заморозки] и новорожденных) будут более гигиеничными и красивыми. При желании можно будет потреблять только безотходную пищу, а все излишки воды будут испаряться через поры. Или же измененные органы смогут иногда выделять небольшие сухие и компактные остатки».

О ЯЙЦАХ И ОМЛЕТАХ

Как же нам преодолеть власть этого императива *jouissance*? Велик соблазн сделать выбор в пользу того, что кажется его «естественной» противоположностью – насильственного отказа от *jouissance*. Разве не в этом состоит фундаментальный лейтмотив всех так называемых фундаментализмов? Разве они не пытаются ограничить крайний «нарциссичный гедонизм» современной светской культуры (или то, что они считают таковым) своим призывом к возвращению духа жертвенности? Но психоанализ сразу позволяет нам понять, что не так в этих попытках: сам жест отказа от наслаждения («Довольно декадентских удовольствий! Нужно отказаться от них и пойти на жертвы!») порождает свое прибавочное наслаждение. Разве все «тоталитарные» миры, которые требуют от своих субъектов решительного самопожертвования во имя Дела, не источают зачарованность смертельным непристойным *jouissance*? (И наоборот: жизнь, нацеленная на получение удовольствий, не может не завершиться крайней дисциплиной, необходимой для получения максимального удовольствия: «здоровый образ жизни» от пробежек до соблюдения диеты и психической релаксации, уважительного отношения к другим...) Приказ Сверх-Я наслаждаться имманентно взаимосвязан с логикой жертвы: вместе они образуют порочный круг, в котором одна крайность поддерживает другую.

Это, конечно, вовсе не означает, что мы должны отвергнуть насилие как таковое. В каждом подлинном революционном взрыве содержится элемент «чистого» насилия, то есть подлинная политическая революция не может оцениваться с точки зрения предоставленных благ (насколько «улучшилась жизнь большинства» впоследствии) – она является самоцелью, актом, который меняет сами представления о том, что такое «достойная жизнь», а иной (более высокий в конечном итоге) уровень жизни является побочным продуктом этого революционного процесса, а не его целью. Обычно революционное насилие защищают, обращаясь к банальностям вроде «невозможно приготовить омлет, не разбив яиц» – «мудрость», которую, конечно, саму легко можно сделать проблематичной с помощью скучных «этических» рассуждений о том, что даже самые благородные цели не могут оправдывать кровавых средств их достижения. Вместо того чтобы идти на такие уступки, нужно прямо признать революционное насилие освободительной самоцелью, полностью перевернув известное выражение: «Невозможно разбить яиц (и что такое революционная политика как не деятельность, в ходе которой разбива-

ется много яиц), особенно если это делается при большой температуре (революционный накал), не сделав хоть какой-то омлет!»

И, наконец, необходимо отметить, что это насильственное разбивание яиц не следует прямо отождествлять с проявлениями насилия. Насилие необходимо, но *какое* насилие? Ведь насилие насилию рознь: есть насильственные *passages a l'acte*, которые просто свидетельствуют о бессилии агента; есть насилие, истинная цель которого состоит в том, чтобы не допустить подлинных изменений, – в фашистских проявлениях насилия постоянно должно происходить нечто захватывающее, чтобы на самом деле ничего не произошло; и есть насильственный акт, действительно меняющий основные координаты констелляции. Чтобы имел место последний вид насилия, *само это место должно быть открыто* с помощью жеста, который является глубоко насильственным в самом своем невозмутимом отказе, с помощью жеста чистого устрания, в котором, цитируя Малларме, *rien n'aura eu lieu que le lieu*, т. е. не имеет места ничего, кроме самого места.

И это подводит нас к Бартлби Мелвилла. Его «я бы предпочел отказаться» следует понимать буквально: оно означает «я бы предпочел отказаться», а НЕ «я предпочитаю этого не делать (или не собираюсь этого делать)» – так мы возвращаемся к кантовскому различию между негативным и бесконечным суждением. В неприятии приказа своего господина Бартлби не отрицает предикат, скорее он утверждает не-предикат: он не говорит, что *он не хочет этого делать*; он говорит, что *он предпочитает (хочет) этого не делать*. Так мы переходим от политики «сопротивления» или «протеста», которая паразитирует на том, что она отрицает, к политике, которая открывает новое пространство за пределами гегемонистской позиции *и* ее отрицания. Можно представить проявления такого жеста в сегодняшнем публичном пространстве: не только очевидное «Какие здесь огромные возможности для новой карьеры! Присоединяйся к нам!» – «Я бы предпочел отказаться», но и «Раскрой глубины своего истинного “я”, найди внутренний покой!» – «Я бы предпочел отказаться», или «Разве вы не видите, что наша окружающая среда под угрозой?! Сделайте же что-нибудь для экологии!» – «Я бы предпочел отказаться», или «Как насчет расового и сексуального ущемления, которое окружает нас? Не пришло ли время что-то с этим делать?» – «Я бы предпочел отказаться». Это жест вычитания в чистом виде, сведения всех качественных различий к чисто формальному минимальному различию.

Тупик «сопротивления» возвращает нас к теме параллакса: все что нужно – это слегка изменить нашу точку зрения, и вся деятельность «сопротивления», забрасывания властей невозможными «подрывными» (экологическими, феминистскими, антирасистскими, антиглобалистскими...) требованиями, предстанет в виде внутреннего процесса подпитки машины власти, поставки материала для продолжения ее движения.

Не повторяем ли мы здесь то же, что уже было сделано Хардтом и Негри в их «Империи», которые также обращаются к Бартлби как фигуре сопротивления, говорящей «Нет!» существующей вселенной социальной машине? Мы расходимся с ними в двух отношениях. Прежде всего, для Хардта и Негри «я бы предпочел отказаться» Бартлби представляет собой всего лишь

первый шаг как бы «расчистки поля», занятия дистанции по отношению к существующей социальной вселенной; затем нужно перейти к продолжительной работе по созданию нового сообщества – если мы застрянем на стадии Бартлби, все закончится суицидальной маргинальной позицией без каких-либо последствий... С нашей точки зрения, именно этого вывода и нужно избегать: в своей политической форме «я бы предпочел отказаться»

Подлинная политическая революция не может оцениваться с точки зрения предоставленных благ (насколько «улучшилась жизнь большинства» впоследствии) – она является самоцелью, актом, который меняет сами представления о том, что такое «достойная жизнь»

Бартлби служит не отправной точкой «абстрактного отрицания», которое затем должно быть преодолено в кропотливой позитивной работе «определенного отрицания» существующей социальной вселенной, а своего рода *архэ*, первоначалом, которое поддерживает все движение: во все не «преодолевая» его, последующая работа по строительству, скорее, придает ему плоть. Это возвращает нас к основному мотиву книги – паралаксному смещению. Позиция Бартлби –

это не просто первая, подготовительная, стадия для второй, «более созидательной» работы по формированию нового альтернативного порядка; это сам источник и условие такого порядка, его неизменная основа.

Самоустранение, о котором сигнализирует «я бы предпочел отказаться», нельзя сводить к позиции «скажи “нет!” Империи»; оно относится прежде всего ко всему богатству и многообразию форм сопротивления, которые помогают системе воспроизводить себя, гарантируя наше участие в ней – сегодня «я бы предпочел отказаться» – это не столько «я бы предпочел отказаться от участия в рыночной экономике, капиталистической конкуренции и спекуляциях», сколько куда более проблематичное для некоторых «я бы предпочел отказаться от участия в благотворительных акциях по поддержке чернокожих детей-сирот в Африке, в борьбе против бурения нефтяных скважин в диких болотах, в отправке книг для воспитания женщин Афганистана в нашем либерально-феминистском духе...». Поддержание дистанции по отношению к прямой гегемонистской интерпелляции – «Участвуй в рыночной конкуренции, будь активным и продуктивным!» – лежит в основе работы сегодняшней идеологии: сегодняшней идеальный субъект говорит себе «Я прекрасно знаю, что вся социальная конкуренция и материальное преуспевание – это только пустая игра, что мое истинное “я” – в другом!». Скорее наоборот, «я бы предпочел не» сигнализирует об отказе играть в западную буддистскую игру «социальная реальность – это просто иллюзорная игра».